

Панова З.С. ТВОРЧЕСТВО Дж. ДАГДЖИ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Процесс возвращения крымских татар на свою историческую родину не только создал благоприятную почву для возрождения культуры в широком ее понимании, но и актуализировал вопросы ее изучения, развития и пропаганды. То же самое можно сказать о крымскотатарской литературе, пережившей на своем веку взлеты и падения, ставшей жертвой общественно-политических, социально-экономических потрясений последних сто лет. Литература, не потерявшее свое достоинство ни в годы тоталитаризма, ни в годы депортации, сегодня с новой силой, с новым вдохновением стала на путь развития. Возвращение из небытия титанов литературы, «засекреченных» до недавнего времени их произведений, появлению новых имен, усиления роли и места литературы в интеграционных процессах, их научное осмысление дают основания для такой констатации. Ярким примером тому может послужить творчество крупнейшего романиста, титана художественной мысли крымских татар XX столетия Дженгиз Дагджи, ныне проживающего в Лондоне, и, к сожалению, малоизвестного для некрымскотатарского читателя.

Дженгиз Дагджи – известная, но еще не изведенная планета не только в крымскотатарском, тюркском, но и всемирном литературном небосклоне. Даже те крошечные, по сути дела, разбросанные факты о жизни и деятельности классика крымскотатарской зарубежной литературы, его книги, которые словно путники возвращаются из дальних странствий в лоно своей родной литературы, свидетельствуют о том, что наш маленький Крым способен дать мировой литературе такие имена, которые с гордостью можно писать наряду с именами Достоевского и Манна, Кафки и Пушкина, Мицкевича и Теккерея [1. с. 36].

Цель данной статьи – проследить путь изученности, научного осмысления жизни и творчества Дж. Дагджи, не только в крымскотатарской, но и турецкой литературе. В предлагаемой статье мы попытаемся сделать периодизацию его творчество, жанровую классификацию произведений автора.

Дженгиз Дагджи родился 9 марта 1920 года в деревне Кызылташ (ныне Краснокаменка), близ Гурзуфа. После окончания 12-й средней школы в г. Симферополе поступил учиться на исторический факультет Симферопольского педагогического института. 1940-м году был призван в армию. С началом войны ушел на фронт. Был в плену. После окончания войны при содействии общества Красного Креста Италии, оказался в Англии. С 1946 года живет в Лондоне, является автором более двадцати романов, книг воспоминаний. Творческий путь Дж. Дагджи начался в довоенном Крыму, первые поэтические опыты были написаны и опубликованы в середине 30-х гг. прошлого столетия в периодике Крыма. Становления Дж. Дагджи как прозаика, романиста начался накануне войны, и превращения его в «дестанджы», т.е. сказителя современности [2.] произошло уже послевоенный период.

Известно, что без периодизации творчества, без классификаций произведений, нельзя проследить эволюцию мировосприятия и мироощущения писателя. Попытка периодизации творчества Дж. Дагджи была предпринята крымскотатарским писателем Ю. Кандымом [1, с. 37], который разделил творчество писателя на условных три периода, но не показал характерные особенности каждого из них. Мы, в свою очередь, попытаемся внести некоторые уточнения и восполнить этот пробел. Итак, творчество Дж. Дагджи можно разделить на такие периоды:

Первый период – творчество Дж. Дагджи до Второй мировой войны, также этот период можно обозначить как крымский период.

Второй период – творчество Дж. Дагджи в период Второй мировой войны.

Третий период – творчество Дж. Дагджи в послевоенный период, который так же можно обозначить как лондонский период.

Первый, или же, как выше обозначили, крымский период творчества Дж. Дагджи в основном представлен малыми формами поэзии. Характерными для этого периода поэтическими произведениями являются стихотворения «Къыш» («Зима», 1937), «Къартанай» («Бабушка», 1937), «Севдигим Ялта» («Моя любимая Ялта»), «Кой» («Село»), «Гуль» («Роза»), «Баарь сабасы» («Весеннее утро»), «Инан, сен гузелим, инан, сен сёюме...» («Верь, моя милая, верь моим словам...»), которые были написаны и опубликованы в крымской периодике в 1939. Подборка стихов, в том числе «Кой акъшамы» («Сельский вечер») был включен в сборник «Эдебий Къырым» («Литературный Крым», 1940). В эти же годы им был написан рассказ «Янгын» («Пожар»). Кажущиеся на первый взгляд обыденными, лирическими зарисовками стихи Дж. Дагджи излучают свет, они наполнены романтизмом, покрыты тонким, прозрачным, но в то же время крепким слоем философии, той философии, которая впоследствии определит творческое кредо писателя: при любых обстоятельствах быть искренним не только перед читателем, но и перед самим собой.

Второй период творчества Дж. Дагджи приходится на годы войны. Этот период тоже отмечен поэзией. В написанных в этот период стихотворных произведениях таких, как «Берингиз атамнынъ къылычын манъа!» («Дайте мне саблю моего деда!»), «Йылдыз» («Звезда»), «Къырым, мени анъасынъмы?» («Вспоминаешь ли ты меня, Крым?») и др. мы уже не видим того нежного лиризма, мечтательности, романтизма. В них автор выступает как зрелый поэт, его размышления свинцовой тяжестью ложатся на строки. Эти стихи впервые были опубликованы в 1957 году в Турции в журнале «Kırım» («Крым»), позже были включены в изданное в Крыму в сборник «Хатыраларда Дженгъыз Дагъджи» («Дженгиз Дагджи в воспоминаниях») [3, с. 70-76].

Талант Дж. Дагджи расцвел и достиг самых что ни есть высот в третьем, как было выше указано, лондонском периоде. Тяжелая жизнь первых послевоенных лет, горький хлеб чужбины не смогли сломить его, не смогли заставить заржаветь перу мастера. Переполненное разнополярными чувствами беспокойное

сердце художника тяготела к творчеству. Как отмечает сам писатель, в 1947-48 годах на русском пишет пьесу в трех действиях «Большая ложка», позже – рассказ «Аркадашым Максуд» («Мой друг Максуд»), но они были не столь удачными пробами пера [4]. В эти же годы Дж. Дагджи вернулся к своей рукописи, к наброскам условно названного «Садык Тураннынъ хатыралары» («Воспоминания Садыка Турана»), которые делал еще в годы войны. Работа над этой рукописью предопределила дальнейшую творческую судьбу писателя. Позже эти наброски вылились в роман «Къоркъунч йыллар» («Страшные годы», 1956). С этого романа и началось тернистый путь к вершине Олимпа. Один за другим в турецких издательствах отдельными книгами начали выходить произведения писателя: это – романы «Юртуны гъайып эткен адам» («Человек потерявший родину», 1957), «Олар да инсан эди» («Они тоже были людьми», 1958), «Олном ве къоркъу куньлери» («Дни смерти и страха», 1962), «О топракълар бизим эди» («Эти земли были нашими», 1966), «Дёнюш» («Возвращение», 1968), «Генч Темучин» («Молодой Темучин», 1969), «Бадем балына асылы къокъылар» («Куклы, подвешенныена ветку миндаля», 1970), «Ушюген сокъакъ» («Мерзущая улица», 1972), «Меним киби бири» («Один из тех как я», 1988), «Анама мектюплер» («Письмо матери», 1988), «Ёлдашлар» («Путники», 1991), «Биз берабер кечтик бу ёлны» («Мы вместе прошли этот путь», 1996), рассказы «Маркус Буртон эфендининъ копеги» («Собака мистера Маркуса буртона», 1998), «Ой, Маркус, ой!» (2000), «Руяларда: «Ана» ве «Кучюк Алимджан» («В снах: «Мама» и «Маленький Алимджан», 2001), книги воспоминаний «Янсылар-1» («Отражения-1», 1988), «Янсылар-2» («Отражения-2», 1990), «Янсылар-3» («Отражения-3», 1991), «Янсылар-4» («Отражения-4», 1993), «Мен ве ичимдеки мен: «Янсылар»дан къалгъанлар» («Я и мое внутреннее я: оставшееся из «Отражений», 1994), «Халюкнынъ дефтеринден ве Лондра мектюплери» («Из тетради Халюка и Письма из Лондона», 1996), «Регина» (2000).

О чем пишет Дженгиз Дагджи? Что он хотел сказать своими произведениями?

О чем бы ни писал он – о жизни довоенной крымскотатарской деревни («Олар да инсан эди») или об отступлении советских солдат в 1941 («Ёлдашлар») – центральными персонажами его произведений являются крымские татары. Можно сказать и так: в его творчестве только два образа: образ прекрасного Крыма и трагический образ крымскотатарского народа, изгнанного из своей прекрасной родины [5]. Рассказывая, создавая в своих произведениях, в своих «социальных романах» [6, с. 694] немеркнувший образ Крыма и крымских татар Дж. Дагджи преломляет их видение, их мироощущение, их эстетическое мировосприятие через призму общечеловеческой цивилизации, показывает их неотъемлемое место в мировой истории. Раскрывая всю трагичность и обреченность крымских татар, он с великой силой утверждает внутреннюю красоту, силу духа, неистребимость этого древнего, великого народа. Его произведения – есть гимн великому крымскотатарскому народу, который как птица Феникс восстает из пепла, народу, который бросает вызов истории, вызов тьме [1, с. 36].

Но все ли произведения Дж. Дагджи о Крыме и крымских татарах? Конечно же, нет. В произведениях «Генч Темучин», «Маркус Буртон эфендининъ копеги», «Ой, Маркус, ой!» отсутствует тема Крыма и крымских татар. В историко-романтическом романе «Генч Темучин» рассказывается о детстве, отрочестве и юношестве могущественного монгольского императора Темучине, известного в мировой истории под именем Чингисхан. А «Маркус Буртон эфендининъ копеги», «Ой, Маркус, ой!» написаны на английскую тему. Есть в творческой кладовой писателя прекрасный роман «Меним киби бири», в котором отсутствует крымская тематика. В романе идет речь о судьбе беженца – крымском татарине. Носящий в той или иной мере автобиографический характер «Меним киби бири» [4] написан в лучших традициях жанра психологического романа. Он по праву может занять место рядом с психологическими произведениями Ф.М. Достоевского, других корифеев мировой литературы.

Когда заходит речь о произведениях Дж. Дагджи в той или иной постановке, встает вопрос о языке, на котором пишет художник. Почему Дж. Дагджи пишет свои произведения не на крымскотатарском, или скажем, не на английском языке, а пишет на турецком? Профессор А.М. Эмирова констатирует, что в зарубежной литературе XX века наблюдается феномен особого рода: писатель, сохраняя свой национальный менталитет, пишет не на своем родном языке... катаклизмы XX века, разбросавшие людей по разным регионам земного шара, сделали этот феномен более выпуклым и заметным. Владимир Набоков, как известно писал не только на русском, но и английском языке. Испанец Хорхе Семпрун пишет свои романы только на французском и пользуется в Испании репутацией «офранцузенного испанца». В этот ряд можно включить и творчество крымскотатарского писателя Дженгиза Дагджи, который живет в Лондоне и пишет на турецком языке [7]. В развитие этой мысли мы вновь обратимся к публикациям А.М. Эмировой: «Роман «Къоркъунч йыллар» он начал писать на крымскотатарском языке. Но уже тогда знал, что, будучи написаны на татарском, его книги никогда не дойдут до его земляков, которые в это время уже были на чужбине. И он стал писать свои произведения на турецком языке, надеясь таким образом выйти на более широкий – не только турецкоязычный, но шире – тюркоязычный – круг читателей» [5]. Нельзя не согласиться с утверждениями А.М. Эмировой. Но тут же встает другой вопрос: почему Дж. Дагджи не писал на турецкую тему? По всей вероятности, избрав языком своих произведений турецкий, он начал писать на многомиллионную читательскую аудиторию «турецкоязычной» крымскотатарской диаспоры. И это предположение имеет под собой почву. В начале 90-х годов Дж. Дагджи в своем письме исследователю его творчества крымскотатарскому писателю Ю. Кандыму писал: «Я начал писать свои произведения на турецком языке. В то время, если я и писал бы на крымскотатарском языке, я не был уверен что, когда-нибудь мои произведения увидят свет. Я верил, что если я напишу свои произведения на турецком языке, то они когда-нибудь будут услышаны моим народом» [8]. Когда Дж. Дагджи начал писать на турецком языке? На сегодняшний день этот вопрос остается открытым. Есть некоторые неясности в этом вопросе, которые внес сам писатель. В разных источниках он апеллирует к разным отсчетам времени. В письме Ю. Кандыму пишет: «по-турецки начал писать в середине 1945 года» [8], а в письме Г. Гюнъюлю утверждает, что

«впервые по-турецки начал в 1951 году в Лондоне» [4]. На него могут ответить лишь материалы, хранящиеся в личном архиве Дж. Дагджи, в результате изучения которых появиться возможность получить исчерпывающий ответ.

Как было выше сказано, Дж. Дагджи, действительно является неизведанной планетой на литературном небосклоне. К сожалению, эта планета по сегодняшний день остается недостаточно исследованной. Жизнь и творчество Дж. Дагджи хотя и изучается на отделениях крымскотатарской филологии вузов Крыма, на уроках литературы в средних школах с крымскотатарским языком обучения, отрывки произведений включаются в учебники и хрестоматии, они носят локальный характер, не выходя за рамки статей, докладов, сообщений.

Говоря о степени «изученности» Дж. Дагджи нельзя обойти вниманием деятельность крымскотатарских исследователей и пропагандистов его творчества профессору А.М. Эмировой и писателю Ю. Кандыму. Широкий круг читателей в начале 90-х годов впервые получил возможность познакомиться с творчеством Дж. Дагджи благодаря публикации на крымскотатарском языке его романа «Олар да инсан эди» и статьи «Къырымны ичимде ташыйым...» («Крым ношу в себе...»). Перевод и вступительная статья Ю. Кандыма [8]. Новой страницей в изучении творчества Дж. Дагджи стала другая статья Ю. Кандыма «Язгъан шейлеримнинъ эписи акъыкъат олгъанына емин этем...» («Клянусь, что пишу правду, только правду...») [9]. Здесь так же надо отметить составленный им сборник статей с широкой библиографической справкой о творчестве Дж. Дагджи «Хатыраларда Дженгиз Дагъджы» [3]. Кстати, Ю. Кандым перевел на крымскотатарский и опубликовал в течение 1992-2003 гг. в журнале «Йылдыз» такие романы Дж. Дагджи как «Олар да инсан эди», «Къоркъунч йыллар», «Юртуны гъайып эткен адам», «Анама мектюплер». Огромную лепту в изучение и пропаганды творчества Дж. Дагджи внесла и вносит профессор А.М. Эмирова. В одном из своих публикаций она писала, что: «настало время переводить книги Дагджи и на русский язык, чтобы с ними познакомилась не только те татары, которые волею недоброй судьбы, не научились хорошо говорить и читать по-татарски, тем более, по-турецки, но и те русскоязычные жители Крыма, которые, как и Дженгиз Дагджи, считают Крым своей родиной и любят его» [5]. И сам Дж. Дагджи в своем письме А.М. Эмировой констатирует, что «возможность для моих земляков на моей родине читать мои романы на любом понятном для них языке – для меня источник радости и большой гордости» [5]. Благородная цель А.М. Эмировой и и столь же великодушная благожелательность Дж. Дагджи не заставили себя долго ждать. Вскоре увидели свет на русском языке отрывки из цикла «Янсылар» («Голос Крыма» - 08, 12, 26. 1994; 10.03. 1995; 10.04. 1998), которые были включены в ее книгу «Крым – любовь и боль моя: проблемы возрождения крымскотатарской культуры» (2000). Кроме того, начиная с середины 90-х годов А.М. Эмирова опубликовала ряд статей, выступила с докладами, посвященных жизни и творчеству Дж. Дагджи, в ряде республиканских, украинских и международных научно-практических конференциях и форумах. Так же перевела русский язык и издала отдельной книгой «Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого писателя)» (2003).

А в Турции литературная общественность обратила внимание на его творчество еще в первой половине 60-х годов. В основную массу составляли информации, небольшие рецензии на новые книги Дж. Дагджи, так же немногочисленные интервью писателя средствам массовой информации. Лишь спустя тридцать с лишним лет появились монографии турецкого исследователя И. Коджакаплана «Дженгиз Дагъджынынъ дёрт романы» («Четыре романа Дженгиза Дагджи», 1992) [10] и «Къырымдан Лондрая: Дженгиз Дагъджы» («Из Крыма в Лондон: Дженгиз Дагджи», 1998) [11]. В первой монографии автор анализирует романы «Къоркъунч йыллар», «Юртуны гъайып эткен адам» «Олар да инсан эди» «О топракълар бизим эди». В нем автор большое внимание уделяет анализу этих произведений, их композиционному построению, дает краткую характеристику людям и событиям. Во второй монографии И. Коджакаплан углубляет свой анализ. Как отразился в произведениях богатый внутренний мир автора, в каком ракурсе описан Крым, как повлияла жизнь на чужбине на его психологию, на его видения Крыма? Монография по своей сути, посвящена поиску ответов на эти вопросы.

Думается, что вопросы периодизации и взгляд на степень изученности творчества Дж. Дагджи, попытка классификации его произведений помогут прояснить картину. Особенно это важно сегодня, когда с новой силой возрос интерес к Дж. Дагджи, начался новый виток в области научного осмысления всего его творчества не только со стороны крымскотатарской, но и некрымскотатарской научной и литературной общественности.

Источники и литература

1. Кандым Ю. Дженгиз Дагджи: штрихи к портрету. // Оджакъ. – 2001. – № 3.
2. Ercilasun A. Bican. Cengiz Dağcı ve ya bir kırımının dramı [Дженгиз Дагджи, или драма одного крымца] // Emel. – 1988. – №168. – s.21-25.
3. Хатыраларда Дженгиз Дагъджы [Дженгиз Дагджи в воспоминаниях] – Тертип эткен Ю. Къандым [Составитель Ю. Кандым] - Симферополь, 2000. – 105 с.
4. Gülay Güngül. Ğurbette Nasreti Tüketmek: Cengiz Dağcı'dan Mektup [Гюлай Гюнгуль. Покончить ностальгию на чужбине: письмо от Дженгиза дагджи] // Türk edebiyatı [Турецкая литература]. – 1998. – № 291. – s.15-18.
5. Эмирова А.М. Дженгиз Дагджи – сын Крыма. // Голос Крыма. – 1994. – 5 марта.
6. Ahmet Kabaklı. Cengiz Dağcı [Ахмет Кабаклы. Дженгиз Дагджи] / Türk Edebiyatı. Cilt 5 [Турецкая литература. Т.5.] – İstanbul [Стамбул]: 1993, – s. 983-1000.

7. Эмирова А.М. Феномен Дженгиза Дагджи. – Гражданская война и отечественная культура. 1920 г. ГУ Крымские международные Шмелевские чтения. Ялта, 13-17 ноября 1995 г. // Голос Крыма. – 1995. – 8 декабря.
8. Къандым Ю. «Къырымны ичимде ташыйым...» [«Крым ношу в себе...»] // Йылдыз. – 1992. – № 5-6. – с. 3-8.
9. Къандым Ю. «Язгъан шейлеримнинъ эписи акъикъят олгъанына емин этем...» [«Клянусь, что пишу правду, только правду...»] // Йылдыз. – 1997. – № 2. – с.3-17.
10. İ. Kocakarlan. Cengiz Dağcı'nın Dört Romani [«Четыре романа Дженгиза Дагджи»] –İstanbul [Стамбул]: 1992. – 172 s.
11. İsa Kocakarlan. Kırım'dan Londra'ya Cengiz Dağcı [«Из Крыма в Лондон: Дженгиз Дагджи»] – İstanbul [Стамбул]: 1998. – 288 s.

Полікарпова Ю.О. ОРГАНІЗАЦІЯ САМОСТІЙНОЇ РОБОТИ СТУДЕНТІВ ВНЗІВ ІЗ ВИВЧЕННЯ ЛЕКСИЧНОГО МАТЕРІАЛУ

Комунікативний підхід у навчанні іноземним мовам передбачає надання великого значення вивченню лексики. Адже, саме лексична компетенція відповідає за вдале спілкування, коли співрозмовники розуміють один одного. Проте, протягом тривалого часу провідну роль в процесі навчання іноземним мовам відводили вивченню граматики. „Лексика була і залишається ігнорованою Попелюшкою в навчанні мови, - справедливо зазначає А.Шінан, - уподобання завжди віддавалися, і досі віддаються, двом сестрам Граматиці і Додатковій Граматиці” [6, с. 3]. Таке нівелювання значення лексики є, на наш погляд, невиправданим. Саме на необхідності і важливості вивчення лексичного матеріалу наголошують і сучасні дослідження з методики викладання іноземних мов (Дж.Елліс та Д.Сінклер, Т.Гедж, М.Льюїс, П.Нейшн, Дж.Річардз, А.Шінан, тощо) [1 – 6].

Цілком слушним видається нам зауваження Дж.Річардза стосовно того, що „...словник та лексичні одиниці знаходяться в центрі вивчення та комунікації. Ніяка кількість граматичного чи іншого типу лінгвістичного знання не може бути використана в комунікації чи дискурсі без посередництва лексикону” [5, с.ХІ]. Дійсно, за рахунок лексичних виразів можна підтримувати велику кількість елементарних комунікацій без значної допомоги з боку інших аспектів мовної системи.

„Викладачам, мабуть, необхідно здійснити ментальний перехід від думки про те, що мова є *лексикалізованою граматику* до думки, що вона є *граматикалізованою лексикою*” [6, с. 5] – робить висновок А.Шінан. Стосовно цього твердження ми схильні погодитися з ним, адже практично жоден граматичний матеріал неможливо пояснити без використання лексики. Крім того, як свідчить досвід роботи у ВНЗ, навіть якщо студент на достатньому рівні засвоїв граматичний матеріал, але не знає лексики, що зустрілася йому в тексті, він не зрозуміє цей текст.

Звичайно, ми не проголошуємо відмову від навчання студентів граматичним явищем мови, а просто робимо акцент на наданні словниковому запасові провідної ролі в процесі вивчення іноземної мови.

Робота над лексикою здебільшого перепадає на самостійні заняття студентів. Справа в тому, що при вивченні на практичних заняттях нового лексичного матеріалу студентам виявляється досить складно запам'ятати його не прикладаючи до цього спеціальних зусиль. Адже, як справедливо зазначає В.А.Кондратьєва, „...мінімальна повторюваність незнайомих слів в навчальних текстах, необхідна для їх запам'ятовування в процесі читання, повинна бути не менше 10-15 разів...” [7, с. 32] А, як свідчить аналіз навчального матеріалу, така повторюваність досягається досить рідко. Тому надзвичайно важливою є раціональна організація самостійної роботи студентів із вивчення нового лексичного матеріалу.

Вивчення лексики ставало об'єктом багатьох досліджень як вітчизняних, так і закордонних авторів [1-7], проте проблема підвищення продуктивності вивчення лексичного матеріалу студентами продовжує залишатися актуальною.

Метою даної статті є розробка методичних рекомендацій щодо оптимальної організації самостійної роботи студентів із засвоєння лексики.

Постійне кількісне та якісне збільшення словникового запасу має стати метою кожного, хто вивчає іноземну мову. Але досить часто у викладачів та студентів виникають питання: яка кількість слів необхідна для оволодіння іноземною мовою та які саме слова слід вчити.

П.Нейшн, відповідаючи на це питання в своїй праці „Вивчення словникового запасу іншої мови” (2001) зазначає: „Найамбіциозніша мета – знати всю мову (що за даними *Webster's Third New International Dictionary* становить близько 115 тисяч слів без урахування власних імен. – Ю.П.) Однак, навіть носій мови не знає всього словника мови. Адже існують численні спеціалізовані словники, такі як з ядерної фізики, комп'ютерної лінгвістики, відомі лише невеликій групі людей, які спеціалізуються в цих галузях” [4, с. 6]. Тому кількість вивчених слів іноземної мови має становити не менше 10 тисяч слів (що і передбачено програмою вищих навчальних закладів нефілологічного спрямування). Як пише П.Нейшн, за кожен рік свого молодого життя носій мови в середньому збільшує свій словниковий запас на одну тисячу слів [4, с. 9], до чого і повинні прагнути ті, хто ставить за мету оволодіння іноземною мовою на високому рівні.

П.Нейшн дає відповідь і на друге питання стосовно того, які слова обирати для вивчення. Так, він виділяє 3 групи слів: частовживані слова, спеціалізовані та рідковживані слова [4, с. 11-12].

„Існує невелика група частовживаних слів, які дуже важливі оскільки ці слова охоплюють дуже велику частину керівних слів в усних та писемних текстах і з'являються в усіх видах вживання мови,” – зазначає П.Нейшн [4, с. 13]. Таких слів налічується близько двох тисяч. Вони зібрані у *General Service List of*